
ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Марина Баланюк
(г. Тула)

ТВОРЧЕСТВО НАТАЛИИ ПАРЫГИНОЙ

Наталья Диомидовна Парыгина приехала в Тулу в 1954 году. К этому времени она успела заочно окончить Томский политехнический институт, поработать несколько лет преподавателем математики в школе, конструктором на заводе, преподавателем технических дисциплин в горном техникуме в городе Томске, а затем — преподавателем и заместителем директора по учебной части горного техникума в г. Ленинск-Кузнецком. В Тулу она приехала с только что изданной в городе Кемерове первой книгой: «Записки педагога».

Вся дальнейшая жизнь писательницы связана с Тулой. И многие ее произведения уходят корнями в реальные события жизни Тулы и Тульской области.

Профессия педагога наложила свой отпечаток на выбор тематики ее книг. Подросткам посвящены ее книги: «Внук шахтера», «Неисправимые», «Неудачные каникулы», «Чужие дети», «Мы с братом».

Но и заводская жизнь и герои строительных профессий интересуют писательницу. «Я — поэт, тем и интересен», — писал когда-то о себе В. Маяковский. Но и человек любой профессии интересен тем, что именно такое дело и мастерство (или: безделье и приспособление к обстоятельствам) становятся смыслом его жизни.

Жизнь рабочих и инженеров тульских предприятий, творчески осмысленная, художественно отображенная, вставала перед глазами читателей в таких книгах Парыгиной, как «Дни весенние», «Сегодня в десять», «Что сердцу дорого», «Гордость», «Один неверный шаг», «Пока не поздно»...

Событием не только тульской литературной жизни стал роман Наталии Парыгиной «Вдова», вышедший впервые в Туле в 1972 году и отмеченный премией Всесоюзного конкурса и переизданный в Москве в 1976 году. Судьбы тысяч русских женщин так схожи с судьбой Дарьи Костроминой — героиней романа — простой работницы, на плечах которых и держится мир. Жены, матери, вдовы, познавшей и непосильный труд, и радость любви, и боль утрат. Нелегкая жизнь, узнаваемый образ волновали читателей, вызывали их сопереживание.

Зоркий глаз, чуткое ухо художника всегда и везде улавливают то, что потом может лечь образной тканью на страницы новых книг. Не забывая столь дорогих для нее проблем воспитания, писательница снова и снова под разными углами зрения обращается к ним. Так, уже в 1993 году появляется книга «Свет души», темой которой стала жизнь школы-интерната.

Круг интересов писательницы широк. Вошла в него с некоторых пор сфера медицинская. Углубившись в нее, писательница нашла для себя немало благодатных тем. И появилась уже выдержавшая два издания документальная повесть «Судьба врача» — о чудесном докторе Августе Петровне Астаповой, через чьи руки вошли в жизнь едва ли не тысячи туляков. Книга была издана в издательстве «Советский писатель» и переиздана в Туле.

А героем следующей, на этот раз — документальной, основанной на фактах и только фактах, книги стал легендарный тульский хирург Петр Николаевич Пушкарев (роман «Подвиги хирурга»).

В последнее время издавать книги, не имея богатых меценатов, куда как сложно. Но Наталия Диомидовна не оставляет работы над новыми произведениями, веря что рано или поздно они придут к читателю. Больше всего ее по-прежнему волнуют проблемы семьи, особенно молодой, многотрудные проблемы воспитания детей и подростков. С рассказами о героях своих будущих книг на эти темы она выступает в газетах, журналах, по радио. А в 1999 году в Туле вышел ее роман «Любой ценой». В 2004 году — роман «Сын». В обеих книгах подняты острейшие проблемы современности.

Вот как о романе «Любой ценой» пишет критик Сергей Норильский.

«Разлом великого государства и смена строя неизбежно вызывали разломы и души людей. У многих и многих изменились понятия о приоритетных ценностях человеческой жизни. В обществе и в основной его ячейке — семье произошли свои разломы».

И далее. «Молодая преподавательница музыки в захолустном городке, красивая и гордая Галина Коршунова... решает: «Я должна уехать из этого жалкого городишки... Уеду! Пробьюсь».

История продвижения Галины к поставленной цели изображена автором ярко, динамично. Принцип: «любой ценой!» неизбежно ведет женщину к нравственному падению. Читаешь об этом с возрастающей тяжестью на душе, свет как бы меркнет вокруг...

Иной сюжет, иные герои в романе «Сын». И эта книга — о сегодняшней российской действительности. Власть денег, зараза стремления к обогащению, пренебрежение истинными ценностями жизни уродуют человека, убивают его душу. Но этот роман в отличие от предыдущего завершается сравнительно благополучными событиями в жизни главного героя и его светлым душевным возрождением.

Ценным творческим настроем Натальи Парыгиной я бы назвала ее стремление отзываться на острые проблемы жизни. Когда в стране появилось и распространилось такое зло как наркомания, писательница изучает это явление по многим научным и научно-популярным источникам, беседует с врачами-наркологами и пишет художественные очерки, которые были изданы в виде двух небольших книг «Жизнь и смерть наркомана» (для подростков) и «В семье подросток... наркоман?» — для родителей.

Недавно небольшим (к сожалению — небольшим!) тиражом вышла в свет еще одна книга писательницы «Семейные повести». Это по сути дела мемуары о жизни семьи писательницы, начиная с ее деда — ссыльного политического каторжанина — до ее дочери и внучки. Книга охватывает период жизни семьи (и — страны!) протяженностью более ста лет.

Эта тонкая, правдивая, умная и прочувствованная книга написана Наталией Диомидовной со всей глубиной ее неисчерпаемого таланта и богатейшим жизненным опытом. Книга «Семейные повести» о том, что в самых трудных, казалось бы совершенно безвыходных состояниях и условиях надо оставаться человеком. Жить, творить и думать о будущем. Заботиться о нравственной чистоте тех, кто идет за нами.

Не забывать о прошедшем. Оттуда искать и черпать всю чистоту, правду и полезность человеческого бытия. Не разрывать тонкую, чувственную связь поколений, уважать других и себя. Стараться не забывать, что мы не одни в этом мире.

Не считать зазорным продолжать свое образование и самообразование в любом возрасте. Ибо стремление к знаниям, доброте, сердечности не имеет ни границ, ни возрастов.

Темной непонятной стороне жизни можно найти объяснения, понять, простить и... жить дальше. Радуюсь каждодневно тому, что можно еще погреться у огня, испить чистой воды, ступить на землю, полюбоваться свежей травой на лугу, густой дубравой леса, прочувствовать величие природы. И взглянуть на чистое безоблачное небо!

Творчество Наталии Диомидовны Парыгиной более всего известно тулякам. Но книги ее разошлись по всей стране. Наталия Диомидовна рассказывает, что посещая «Ростсельмаш» (город Ростов-на-Дону) для встреч с читателями, она нашла в библиотеке этого завода — гиганта свои книги восьми названий!

Восемь книг писательницы вышли в свет в различных издательствах Москвы.

Наталия Деомидовна Парыгина —

Лауреат Всесоюзного конкурса ВЦПС и Союза Писателей СССР (1975 г.) за роман «Вдова».

Кавалер Золотого Знака «Общественное признание» (1999 г.).

Лауреат Тульской областной премии имени Л. Н. Толстого (2000 г.) за роман «Любой ценой».

Награждена орденом «Знак почета».

Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Награждена памятной медалью имени А. С. Пушкина.

Награждена памятной медалью имени М. А. Шолохова.

Почетный гражданин города Тулы.

О творчестве и жизни Н. Д. Парыгиной:

1. Почетные граждане города Тулы.— Тула: Левша, 2003.— 164с.— С.107—109.

2. На пороге XXI века. Всероссийский автобиблиографический ежегодник. М., «Московский Парнас», 2002, 408 с.— С. 259—260.

3. Сергей Норильский. Не вечно зло, если добро множить. Проблемы воспитания нравственности в творчестве Наталии Парыгиной.— Тула: Шар, 2000.— 69с.

1

2

3

4

- 1 - Наталья Деомидовна Парыгина.
2 - Мама - Ольга Казимировна Конопко-Парыгина.
3 - Казимир Станиславович Конопко с внучкой Наташей (1926 г.).
4 - Папа - Деомид Гаврилович Конопко-Парыгин.
5 - Сестры - Тамара и Наталья Парыгины.
6 - Н.Д. Парыгина с дочерью Ириной и внучкой Мариной (1987 г.)
7 - На встрече с читателями: А.Г. Лаврик, Н.Д. Парыгина,
И.А. Минутко, В.Я. Лазарев, В.Ф. Булгаков (23 апреля 1965 г.)
8 - Все еще впереди - Наталья Деомидовна Парыгина.

5

6

7

8

**ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ
ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ
НАТАЛИИ ПАРЫГИНОЙ
«СЕМЕЙНЫЕ ПОВЕСТИ»**

Накануне своего Юбилея Наталья Диомидовна издала новую книгу «Семейные повести», отдельные страницы из которой мы вам предлагаем. «Семейные повести» однозначно относятся к автобиографическому жанру. Однако это не сухие, официозные мемуары, но во многом беллетризованное повествование о жизненном пути, изначальной тяге к творческому самовыражению, первых шагах в литературе – и далее вплоть до всесоюзного (в СССР) признания таланта писательницы. Полагаем, что вдумчивый читатель с большим интересом ознакомится с этой книгой, которая, несмотря на специфику жанра, читается как единый по фабуле и композиции роман, действие которого (с учетом воспоминаний о ссыльном в Сибирь деде-поляке) растягивается более чем на век, причем век наиболее значительных для России Нового времени событий: трагических, оптимистичных и судьбоносных.

Марина Баланюк

И в истории с ребенком, как и в выборе своего жанра в литературе, я поступила по-своему. Однажды, отправляясь в командировку в далекий сибирский город, я запаслась документами (требовались справка о жилплощади, о заработке, о здоровье и характеристика) и привезла из Сибири двухлетнюю дочку. Звали ее Ира, я сказала своим: Ирочка-сибирочка.

Телеграмму о своем приобретении я подала только с вокзала из Москвы. Встречала меня на перроне Томуся. Сосед по купе, матрос, помог мне сойти с поезда. Томуся схватила девочку, матрос не сразу отдал. Спросил меня:

— Это ваша?

Тома сама ответила радостным восклицанием:

— Наша, наша!

И мы поехали домой втроем.

Мама приняла «подарочек» с терпеливой обреченностью. «Ну что же делать,— с грустью говорила она знакомым.— Ребенок-то не виноват... Придется растить».

Ребенок наш оказался весьма неординарным и доставлял, немало радостных минут своим поведением и рассуждениями. Было Ириночке, когда мы ее удочеряли, два года и два месяца. Но в детском комбинате ее определили не в ясельную, а в младшую садиковую группу.

Она оказалась самая маленькая в группе, и воспитательницы ее полюбили. Когда я или чаще Томуся приходили за Ирой в садик, она обычно восседала на руках у прогубливающейся на детской площадке воспитательницы.

— И в кого же она у вас такая голосистая! — говорила, улыбаясь, милая воспитательница Валентина Ивановна.— Поет и поет...

Я в ответ только улыбалась. Не знала я, в кого она такая голосистая... Родная мать двухмесячной оставила ее в Доме малютки и исчезла навсегда.

Пожилая одинокая нянечка тоже любила Иру. За едой в детсадыке моя дочь, съев несколько ложек каши, протягивала ложку нянечке и командовала:

— Комить!

Няечка послушно принималась ее кормить.

Вскоре у Иры появился любимый друг — сын еще одной няечки. Сойдясь утром в садике, эти малыши бежали навстречу друг другу, обнимались, прижавшись друг к другу, и так некоторое время стояли, напоминая взрослую парочку влюбленных.

Мама наша не захотела, чтобы Ира звала ее бабушкой (ну, какая же бабушка в шестьдесят пять лет!). Сказала внучке:

— Зови меня Лелей или Лелечкой.

Ира, возвратясь из садика, кричала своим звонким голосом:

— Лоля, дай хлеба с солем!

Иногда мы спрашивали ее:

— Ира, что тебе: конфету или кильку? Ответ был стандартным:

— Кильку!

Видимо, желудок ее после казенной еды в доме ребенка и в детском саду требовал Чего-то острого.

Была она худенькая, хлипкая. Один раз, когда я с чувством погладила ее по головке, дочка не устояла на ногах и упала. Конечно, этот эпизод надолго стал предметом семейных шуток. Личико у Ириночки было азиатского типа: курносое, скуластенькое с черными продолговатыми глазами. На лоб спускалась черная челка. Волосы Томуся сразу же стала ей отращивать и вскоре уже заплетала в косы с бантиками.

Надо признаться, что мамой для Ириночки стала скорее Томуся, чем я. В эту пору (впрочем, как всегда!) я много работала — и по вдохновению, и ради заработка, и часто уезжала в командировки. Писатели часто выступали перед читателями (иногда потенциальными) и не только в Туле, но и в районах области. В районах мы проводили недели литературы. К тому же у меня завязалось сотрудничество с журналом «Крестьянка», в течение нескольких лет я была членом редколлегии и раз в месяц ездила в Москву на заседание редколлегии. От журнала «Крестьянка» я ездила в командировки в Белоруссию, Азербайджан, Казахстан, в Иркутскую область, в Красноярский край... Однажды утром прихожу в комнату девочек, а Ира плачет на своем диванчике.

— Ирочка! Ты что плачешь, доча?

— Я думала: ты опять уехала...

— Нет, я не уехала, успокойся!

Летом в теплые солнечные дни мы ходили в парк к пруду. Пруд тогда был чистый с песчаным берегом и песчаным дном, с беседками и кабинками для раздевания. Ире мы говорили:

— Пойдем к морю купаться.

Так и воспринимала она наш живописный водоем: как море. Однажды дочка поинтересовалась:

— А почему вы, когда я иду купаться, говорите мне: снимай трусы, а сами не снимаете?

— Все малыши купаются голенькими — вон, посмотри. А взрослые в купальниках.

Став старше, Ира в соответствии с возрастом стала задавать много вопросов. За столом, когда садились есть, она, выставив пальчик над своей тарелкой, спрашивала:

— Я эта ела?

— Нет, не ела. Но это очень вкусное блюдо.

— Не надо! — решительно объявляла дочь и отодвигала тарелку.

И, как ни уговаривай, есть не станет. Что делать? Пришлось обманывать — по принципу: ложь во спасение. «Я эта ела?» «Ела, ела! Тебе очень понравилось!»

На четвертом году жизни нашей красавицы Томуся стала на кубиках с буквами учить ее грамоте.

— Это — «б». Ба-ра-бан.

— Ба-ба-бан!

— Бабочка.

— Бабушка!

Долго картавила. Выучила произношение звука «р», когда ей было уже почти четыре года. И как же она обрадовалась!

— Леля, слушай! Р-Рак. Рыба. Рука. Рама. Рома...

Многое можно было бы вспомнить. Я записывала интересные моменты жизни дочки и наших разговоров. Получилась небольшая книга (но — не изданная): «Диалоги с дочкой».

В ту пору в нашей округе было много детей. Ира, когда подросла, в компании соседских? ровесников играла в прятки, в бабки-ежки, в казаков-разбойников... Ребячий гвалт стоял во дворе. Взрослые не сердились — им это нравилось. И в самом деле: ребячий гвалт — не есть ли это музыка жизни?

Ира, наигравшись и набегавшись, приходила с улицы веселая, возбужденная. Но однажды пришла какая-то подавленная. Дети еще галдели на улице, а она пришла.

— Ириночка, что случилось? — спросила я дочку, почуввав неладное.

— Мама, все ведь видят, что ты ходишь, знают тебя, а говорят, что у меня лет мамы.

— Кто это говорит?

— Ребята...

— Ладно... Ты умойся, покушай, а потом мы с тобой поговорим.

У меня принцип: не ври, так не попадешься. Нет, в крайнем случае я могу соврать, но стараюсь этих крайностей избегать. И дочке в этот вечер объяснила, что у нее была другая мама, которая ее родила и оставила в детском доме.

— Ей не нужна была дочка, а мне нужна. И я стала твоей мамой.

На этом проблема была решена. Почти. Однажды мама — любительница разных экспериментов, в том числе — психологических, спросила Иру:

— Ты хотела бы поехать в тот город, где родилась?

— Нет! — заявила умная девочка.— Вдруг эта тетка, которая меня родила, увидит меня и скажет: «Пойдем со мной!» А ты,— взгляд ее черных мрачноватых глазенок уперся в мое лицо.— А ты мне уже понравилась.

Вот теперь тема материнства была закрыта навсегда.

Все было хорошо... было бы хорошо! но здоровье у нашей малышки было далеко не идеальное. Особенно докучал ей диатез, мучили носовые кровотечения, врач подозревала неполадки с печенью. Выглядела Ира бледной и нездоровой. Что делать?

— Может быть, свозить ее на курорт к Черному морю? — спросила я детского врача.

— Ни в коем случае! — заявила доктор.— Ирочке можно только в Прибалтику.

На семейном совете мы решили, что врачи не все знают (у нас для такого вывода были и другие основания) и сошлись во мнении, что надо ехать с Ирой к Черному морю.

— Наталье ребенка доверять нельзя,— сказала мама.

Я обиделась.

— Почему — нельзя?

— Ты слишком рассеянная! Тома — другое дело...

Вообще-то мамин довод был убедительный: я действительно смолоду отличалась рассеянностью. Так что на курорт поехали две наши малышки — Томочка в эту пору была худенькая и роста небольшого. Поехали «дикарями» в Адлер. Я проводила их на поезд (поезд уходил ночью) и с утра вернулась к письменному столу.

В Адлер девочки приехали в дождливый день. Пока они добрались до гостини-

цы — вымокли под дождем так, словно во всей одежде искупались в море. В гостинице их пожалели и поселили в освободившийся номер.

А утром сияло солнце, и море было почти спокойное. Девочки отправились купаться.

Томочка плавать не умела и забредала в воде не более чем по пояс. Так и в этот раз. Забрели, поплескались и вдруг... Вдруг — девятый вал! Накрыл моих купальщиц с головой. Тома, растопырив руки, нашаривала под водой племянницу. Поймала за бок. Волна схлынула.

Напуганные курортницы, дрожа от страха, выбрались на берег.

В номере под душем Тома заметила на боку племянницы синее пятно.

— Ирочка, что это? — удивилось она.

— А это ты за меня так крепко ухватишься, чтобы не утонуть, — объяснила Ира.

— Понятно...

Но в общем-то, они отлично загорели и вдоволь накупались. Вернулись поздоровевшие. Диатез у Иры напрочь исчез! А цвет лица стал такой приятный, что любая красавица могла бы ему позавидовать.

В школу Ира пошла шести с половиной лет. Она в это время уже, довольно хорошо читала и писала печатными буквами. Я надеялась, что она будет хорошо учиться. Но... Подвела математика! Точнее — очередной эксперимент...

В первом классе по этому мудрому эксперименту в математике надо было освоить уравнения с иксами и игреками, графики, функции... Официально предполагалось по атому эксперименту, что домашних заданий первоклассникам давать не будут. Но это благое намерение никак не согласовывалось с объемом школьной программы. И учительница не только задавала на дом задачи и примеры, но — собирала родителей и проводила для них нечто вроде семинара, объясняя, как помочь детям одолеть математические премудрости.

Невлюбив математику с первых шагов, Ира тяжело шла по ее ступеням и в дальнейшем. И после восьмого класса объявила дома:

— Я в эту школу больше ни за что не пойду! Устраивайте мера в какое-нибудь училище.

— В педагогическое пойдешь?

— Учить этих идиотов? Ни за что!

— Но... Может быть, в дошкольное педучилище? Учиться на воспитателя детского сада.

— Ладно, — без особого энтузиазма согласилась дочь.

Педучилище № 2 было очень хорошее, с добрыми традициями, с опытными педагогами. Особенно нравились Ире предметы: рисование и музыка. Тут у нее раскрылись отличные способности. Мы купили пианино, и в квартире у нас теперь звучала «живая» музыка.

Как всегда, у нас в доме были животные: кошка и собака. Кошку звали Тимка. Она была гурманка: обожала консервы «зеленый горошек» и конфеты «Коровка». Когда открывали зеленый горошек, она принималась громким мяуканьем выпрашивать для себя этого лакомства. А ради «Коровки», сидя у кого-нибудь на коленях во время чаепития, осторожно тянулась лапой к вазочке с конфетами.

Маркиза нам подарила Вера Петровна Охохонина маленьким щеночком. Это была красивая болонка с длинной, прямой, густой и белейшей шерстью, среди которой выделялись на мордочке три точки: нос и два глаза.

По вечерам мы все собирались в большой комнате за телевизором. Маркизик любил устраиваться у Томочки (иногда и у меня) на коленях, а Тимке нравилось лежать на телевизоре. Но стоило Маркизику соскочить с Томиных или моих колен, как Тимка спрыгивала с телевизора и устраивалась на его место, считая его, видимо, приви-

легированным. Но если по телевизору показывали хоккей, Тимка не ограничивалась ролью зрителя, а подходила к телевизору и пыталась принять участие в игре: встав на задние лапы (телевизор стоял на ножках), передней ловила шайбу.

Тимке нравилась игра в хоккей, а Маркизику — Ирина игра на пианино. Однажды он попробовал подпеть под музыку. Ира одобрила его вокал:

— Еще, Маркизик, еще!

С этих пор они частенько устраивали концерты. Ира говорила:

— Маркизик, пойдем петь.

И он охотно бежал за ней к инструменту.

Концерты они устраивали и тогда, когда к ним приходили гости. Слушатели — и хозяйка, и знакомые — награждали исполнителей аплодисментами, а музыкальная парочка охотно повторяла артистическое подвывание под звуки пианино на бис.

Но вернусь к творческим делам.

О Великой Отечественной войне написано много книг — и художественных, и документальных. О фронтовых подвигах. О партизанах и разведчиках. О страданиях и стойкости деревенских женщин, оставшихся без мужчин.

Но, казалось мне, была одна категория участников... участниц! войны, о которых наша литература не сказала веского слова. Это женщины-работницы. А ведь они держали на своих плечах крестьянками весь тыл! И на заводах работали, и в шахтах, и в госпиталях, и в эвакуацию уезжали вместе с заводами... Вот смутный облик такой почти неизвестной в литературе героини зарождался в моей душе и тревожил воображение.

Некоторые конкретные живые черты он обрел в тот период, когда писала я очерк «Волшебница-химия». Со многими женщинами-работницами разговорила я тогда, многие судьбы, эпизоды, человеческие драмы записали в свои блокноты. И не помню уже, в какой момент: в бессонную ли ночь или сидя на заседании (много заседала по общественной линии), или в какой-то иной момент осенила меня мысль: «Вот там, на этом самом заводе синтетического каучука и будет работать моя героиня, которую назову коротким и горьким словом: «Вдова».

Сначала я намеревалась написать роман только о военной поре жизни моих героев. Но, глубже вникнув в замысел, как бы мысленно читая ненаписанную книгу, поняла, что и начинать надо с довоенных лет и окончить — послевоенными, показав судьбы героев на протяжении трех-четырёх десятилетий.

Главная героиня романа Даша Родионова родилась и выросла в деревне. Отца бандиты убили. Жениха из, числа крепких середняков мать выбрала. А взаимная любовь у Даши с Василием. У Василия — ни кола, ни двора, живет на квартире у чужой старушки.

Не стану рассказывать дальше сюжет, ибо сюжет — всего лишь скелет произведения, и сам автор долго трудится и умом, и пером, чтобы сотворить на этой основе полноценный роман. У меня от замысла «Вдовы» до книги прошло десять лет... За эти годы я не один раз ездила в Ефремов — благо были у меня теперь там друзья — Вера Петровна Охохонина и ее родные. Выдали мне постоянный пропуск на завод. Ходила я по цехам, расспрашивала людей о важных событиях и о мелочах («деталях», как говорят в литературном общении), чтобы убедительно описать жизнь эпохи, в которой происходят события романа. Съездила в Москву, посидела в читальном зале Ленинской библиотеки, над подшивкой газет выходившей в тридцатых годах ефремовской районной газеты. Зато на читательских конференциях по «Вдове» спрашивали меня потом:

— Ведь вы в тридцатые годы по возрасту не могли наблюдать нашу жизнь. Откуда вы все знаете?

Не только описала я женщин (преимущественно — женщин) той поры, но и полюбила их — отчасти списанных с натуры, а больше все-таки созданных моим воображением, А полюбить было за что... И Дарью, потерявшую не только мужа на войне, но и по пути в эвакуацию грудную девочку. И Марфу, не поехавшую в эвакуацию из-за того, что не на кого было оставить одинокого старика, у которого жила на квартире. И Дору, вырастившую двоих сыновей: своего родного и сына Марфы, оставшегося сиротой. И Любу, не утратившую за многие годы любовь к человеку, которого репрессировали по навету и ставшего в тяжелой лагерной жизни инвалидом.

Когда принесла я рукопись романа в Тульское книжное издательство, редактором художественной литературы, там был Валерий Георгиевич Ходулин. Рукопись по обычаям той поры около года пролежала в издательстве, прежде чем ее прочли и включили в план. Рукопись лежала в издательстве на полке, а я продолжала работать над вторым экземпляром: где главу переделаю, где детали уточню, где диалог сделаю острее... Я пишу, Томуся перепечатывает вставки, а то и целые главы. И обретает роман новый вариант.

Валерий Георгиевич, прочитав наконец роман, высказал свои замечания и спросил меня:

— Сколько вам надо времени на доработку рукописи? Я сказала:

— Две недели.

Он вроде бы обиделся.

— Я серьезно!

— Две недели, — повторила я.

— Ну, смотрите.

Через две недели я принесла доработанный вариант. Редактор прочитал (у него на это ушло больше двух недель) и удивился: «Надо же, за две недели...» О том, что я весь год работала над новым вариантом, я ему не сказала. Претензий к рукописи у него Дольше не было.

Роман «Вдова» вышел первым изданием в 1971 году. Я послала его в Москву на конкурс Союза писателей и ВЦСПС на лучшее произведение о рабочем классе. И моей «Вдове» была присуждена поощрительная премия.

Вручали премии в Доме союзов. Я позвонила в комитет по премиям и попросила заказать мне номер в гостинице на двоих с сестрой. И на торжество мы поехали вдвоем с Томусей. После вручения премий для гостей был концерт, а для победителей конкурса в небольшом зальчике за сценой угощение (по-нонешнему: фуршет) с шампанским и всякими деликатесами.

Все премированные книги были переизданы, в московских издательствах. «Вдова» вышла в «Профиздате». Оба издания — и тульское, и московское быстро разошлись, и Тула еще раз переиздала книгу. Общий тираж составил 155 тысяч экземпляров.

В то время были распространены встречи писателей с читателями. Дважды выступала я среди лауреатов конкурса в Москве: на заводе имени Лихачева и в Политехническом музее. В Туле и области прошло по книге много читательских конференций. Случалось, что кто-нибудь незнакомый спрашивал у меня за спиной.

— Парыгина? Кто это такая?

— Не знаешь? — отвечали любопытному. — Это же «Вдова»! Думаю, что с романа «Вдова» начался новый, более высокий этап моего творчества.

